

Общеизвестно, что многие правители в наследство от современников и потомков получали прозвища – иногда достойные, подчас обидные. Образность этих сравнений привлекательна и познавательна. В них кристаллизуется явное и скрытое отношение к историческим лицам. В полноте сравнений они позволяют лучше понимать культурный контекст эпох, создают

**КОРОНОВАННОЕ «ДОНКИХОТСТВО»
НА РОССИЙСКОМ ТРОНЕ
(К ИСТОРИИ ОДНОГО НАСЛЕДСТВА)**

*М.Н. Силаева, старший научный сотрудник
Государственного исторического музея*

возможность по-иному взглянуть на многие деяния правителей прошлого, на истоки их идеалов и заблуждений. Особенно познавательны соотнесения реальных фигур с образами литературных героев, на

первый взгляд совершенно с ними не сопоставимыми. Ну, действительно, что может быть общего, например, у русских самодержцев и чудаковатого испанского идадьго Дон Кихота. Однако «великие художественные выдумки помогают порою понять самые реальные» и очень непростые вещи. Сервантес проникательно смог уловить человеческие и социальные метания, стремление к нравственным опорам, которые в целом характерны для идейных исканий в «эпоху перемен»¹. Может быть, поэтому «русская судьба «Дон Кихота» – не просто национальная версия общекультурного процесса, но один из редких в истории культуры примеров превращения частного литературного явления одной страны в доминанту культурной и общественной жизни другой страны, с неизбежной утратой многих, если не большинства конкретных историко-литературных особенностей².

Тема донкихотства русских императоров привнесена была в Россию не мыслью историков, а размышлениями современников еще в конце XVIII в., в царствование Павла I. Как ни странно, прозвище «Дон-Кихота самодержавия» досталась в наследство его сыну, вели-

¹ Гранин Н.Я. Грань веков. М. 2004. С. 98-99

² Багно В.Е. Русское донкихотство как феномен русской культуры // Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб. 2003. С. 217

**Родословное древо
императорской семьи Павла I**
*Гравюра резцом и пунктиром
1810
ГИМ
Кат. 158*

кому князю Николаю Павловичу неожиданно вместе с русским трон.

Россия на рубеже столетий и далекая Испания начала XVII в., несмотря на явные различия в пространстве и времени, имели много схожего. Оба государства находились на этапе развития между феодальными отношениями и нарождающимся капитализмом, правление отличали сильная монархическая власть и приоритет дворянского военного сословия. Испанское общество испытывало идеологический кризис и пребывало в метаниях между старыми традиционными ценностями, идеями эпохи Возрождения и новыми буржуазными потребностями. А Россия...

Знаменитый роман М. Сервантеса был завезен в отечество из Франции в эпоху Просвещения, когда русское дворянство стало интересоваться изысканной светской литературой. Дон Кихот был воспринят прежде всего как антигерой в своей пародийно-сатирической привлекательности, ценился роман и своей антифеодальной направленностью. Однако творение испанского гуманиста, первоначально желавшего всего лишь «свергнуть увлечение и власть рыцарских романов в высшем обществе и у простонародья»³, стало по воле времени «величайшим гимном человечности и самопожертвования».

Император Павел I был одним из первых, кто прослыл еще при жизни «русским Дон Кихотом», «коронованным Дон Кихотом», «деспотическим Дон-Кихотом».

Русскому императору с детства была близка атмосфера средневекового рыцарства, его кодекса и эстетики, но Дон Кихотом он себя не видел. Скорее, рыцарем «нового времени» во главе мощного облагороженного государства, под стать пращуру Петру Великому, в противостоянии с атмосферой «бездушья старушечьей затхлости» последних лет правления матери Екатерины II, где процветали цинизм, казнокрадство, безделье и разнузданность, как отмечал ее любимый внук цесаревич Александр Павлович.

³ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.: 1725–1800 – М., 1966. Т. 3. С. 112

Император Павел I
Неизвестный художник
Конец XVIII – начало XIX в.
ГМЗ «Царицыно»
Кат. 16

В течение почти четырех лет своего правления Павел подписывал до 40 указов ежемесячно. Их мало кто исполнял, поскольку часто не успевали читать. Но в этом «вале бумаг» были своя система и благие для государства законы о престолонаследии и ответственном личном управлении, ослаблении дворянского произвола в отношении крестьян; реальной, а не «записной» военной службе; стабилизации денежного курса в стране, наводненной «резаными ассигнациями» и многое другое.

В действительности же преобразования Павла вызывали и ненависть, и насмешки. Так звучала одна из них: «Нет, Павлуша, не тягайся // Ты за Фридрихом Вторым: // Как ты хочешь, умудряйся – //Дон Кихот лишь перед ним...»⁴. Многие казалось просто самодурством. «Никогда еще по сигналу свистка не бывало такой быстрой смены всех декораций, как это произошло при восшествии на престол Павла. Все изменилось быстрее, чем в один день: костюмы, прически, наружность, манеры, занятия», – писал А. Чарторыжский в мемуарах⁵. Однако бесконечные вахтпарады и карьерная чехарда порой меньше удивляли, чем «рыцарские пассажи» императора во внешней политике.

Благие идеи начала царствования звучали из указов императора: его «страна будет гарантом мира на всей Земле», не будет ввязываться в кровопролитные войны, распространяя идеи «рыцарских отношений» для решения международных проблем. По-рыцарски он отменил участие в войне против революционной Франции, принял под защиту рыцарей Мальтийского ордена, освободил арестованных польских повстанцев, но вполне рационально в 1797 году завершил окончательный раздел и ликвидацию Польши как государства.

Рыцарская парадигма императора, особенно его «мальтийская эпопея», вскоре оказалась прекрасным инструментом манипуляции для европейской дипломатии, чтобы втягивать Павла I в военные союзы, про-

.....
⁴ «Голос минувшего». 1918. Вып. IV-VI. С. 172
⁵ Смыр М.Н. Короткий век Павла I (1796–1801 гг.) – М., 2010. С. 124

тивостоящие друг другу. Так Россия оказалась в очередной коалиции против Франции в союзе с Австрией и Англией, совершив беспрецедентный Итальянский поход и потерпев неудачу в Швейцарском в 1799 году. А затем в 1800 году Павел I, посчитав союзников предателями и поверив благородным жестам бывшего противника, вступил в переговоры о стратегическом союзе с «врагом человечества» Наполеоном Бонапартом. Попутно шокируя всех современников публичным, через газеты, вызовом на дуэль европейских монархов, прежних союзников. Когда скандальный текст для публикации получили петербургские и московские издатели, они с трудом могли поверить в происходящее, несмотря на содержание полное смысла, «донкихотского» смысла: возвышенного, насмешливого и нелепого одновременно.

Вот что прочитали в Англии, Австрии и во Франции, как и в других странах: «Нас извещают из Петербурга, что русский император, видя, что европейские державы не могут согласиться между собою, и желая положить конец войне, уже одиннадцать лет терзающей Европу, намерен предложить место, в которое он пригласит всех прочих государей прибыть — и сразиться между собою на поединке, имея при себе в качестве приспешников судей поединка и герольдов самых просвещенных своих министров и искуснейших генералов, как гг. Тугута, Питта, Бернсторфа; причем он сам намерен взять с собою генералов Палена и Кутузова»⁶.

О реакции европейских монархов на эту статью ничего не известно. Хотя можно предположить, что публикация вызвала определенную шумиху и радость Наполеона. Павла не смущало разворачивать свою политику на 180 градусов и слышать образные отклики из окружения Бонапарта о том, что два государя, «желающие восстановить всеобщий мир», по сути, вершат его «раздел между Цезарем и Дон Кихотом»⁷.

Но все эти пассажи самовластного «деспотического Дон Кихота» с трудом приживались на русской почве.

.....
⁶ Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб. 1901. С. 443-444
⁷ L.-A. Histoire du Consulat et l'Empire. Paris., 1845 V. II – P. 437

Прокламация о провозглашении императора Павла I великим магистром Ордена Святого Иоанна Иерусалимского 27 октября 1798
АВПРИ ИДД МИД РФ
Кат. 357

**Три приказа
из Санкт-Петербурга.
Карикатура на императора
Павла I**
И. Крукшенк (?). 1800
Англия, Лондон
ГМЗ «Павловск»
Кат. 155

В аристократической среде стали серьезно задумываться об ограничении власти «царя-рыцаря» и возведении на трон до срока вменяемого преемника в лице великого князя Александра Павловича.

Император Павел I «расчистил удушливую атмосферу» последних лет правления Екатерины II, но заговор и цареубийство 11 марта 1801 года стали ответом на его нововведения, деспотические и донкихотские одновременно.

Александр I, взойдя на трон, вознамерился положить в основы своего правления принципиально другое идейное наследие. В начале царствования он восстановил дворянские свободы и декларировал, что все «будет как при бабке». Несмотря на монархический идеализм, императора Александра Дон Кихотом никто не называл. Он не оправдал общественных ожиданий ни либералов, ни традиционалистов. Для одних он остался Александром «Благословенным» победителем Наполеона, для других «Сфинксом, не разгаданным до гроба». Никто так до конца и не понял, чего хотел на самом деле этот амбициозный царь, страдающий вечным чувством вины перед собой и перед отечеством. Противоречивые ожидания, брожение активного «не поротого дворянства»⁸ и непоследовательная политика императора привела к восстанию 14 декабря 1825 года, которое стало прологом царствования младшего брата Александра I, великого князя Николая Павловича, стоявшего вторым после цесаревича Константина в очередности на российский престол.

С самого рождения провидение словно посылало Николаю знаки непростой судьбы, на которые он не обращал внимания. Император последовательно примерял младшему брату русский трон, словно «корону Трапезундского царства»⁹. Особо выделялся 1810 год, когда намерения монарха обрели уже видимые очертания.

.....

⁸ Манифест Екатерины II от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» освободил дворянство от телесных наказаний.

⁹ Недостижимое царство, существовавшее на черноморском побережье в XIII–XIV вв., мечтали о короне которого многие рыцари, в том числе и Дон Кихот// Сервантес ... М., 1980. С. 25.

К числу таковых относятся события знаменательного стовора о будущей невесте Николая, дочери короля Пруссии, который имел государственный подтекст упрочение союза против Наполеона. По этому случаю была изготовлена даже медаль с надписью: «Г(осударь) Ц(есаревич) В(еликий) К(нязь) Николай Павловичъ. 1810-го года генваря 15»¹⁰, а также гравюры с изображением родословного древа, где под портретом императора изображался не действительный наследник престола Константин, а Николай в рыцарском облачении¹¹.

В 1819 году Александр «семь раз отмерив, отрезал...» и объявил о своих намерениях. В потрясении Николай осмелился (!) заметить, что не готов, не чувствуя сил наследовать престол, что имеет только желание служить от всей души государю и отечеству, а «мысли дальше не достигают». Император, объяснив мотивы, успокаивал неопределенностью сроков и обязанностью «только привыкнуть» к этой неизбежности¹². Вероятно, именно этот разговор заставил вдовствующую императрицу настоять на ведении дневника¹³ Николаем после 1822 года, когда вероятность стать монархом становилась все большей очевидностью. В тот год официально оформил свое отречение от наследования трона цесаревич Константин Павлович, но достоянием общества все эти августейшие перестановки не стали. Ангел, как называли в семейном кругу Александра, до последнего свидания с братом Николаем 30 августа 1825 года к теме этого разговора не возвращался.

Спустя месяц после кончины императора, 14 декабря 1825 года, «буря зашумела... и борьбой с ней должен был начать свое царственное плавание» новый император. Не с рыцарским копьём, а с пушками он стал наследником «всех напастей, которые не при нем накопились, не он навлек их на Россию, но природа и люди

.....

¹⁰ Калинин В.А. О «медали» цесаревича Николая Павловича 1810 г. // Материалы нумизматической конференции... М., 2004. С. 240-242

¹¹ Экземпляр гравюры хранится в собрании отдела ИЗО Государственного исторического музея.

¹² Записки Николая I.// Николай I и его время. – Т. 1. М., 2000. С. 84-86

¹³ Ранее не издававшиеся Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М., 2013

Часы
Франция. 1830-е
ГМЗ «Царицыно»
Кат. 212

Послужной список
императора Николая I
до 1835 года
(в футляре)
ГИМ
Кат. 285

при нем ополчились...»¹⁴ в государстве «с расстройством внутреннего управления, с утратой влияний в международных делах»¹⁵.

Путь неподготовленного монарха был предопределен. Он основывался на результатах двух модернизаций предшествующих правлений и своими представлениями о долге и служении. Как писал впоследствии анархист М.А. Бакунин: «Император Николай был Дон Кихотом системы, созданной Петром I и Екатериной II; он был наиболее трагическим ее выразителем. Он считал себя благодетелем и просветителем России»¹⁶.

.....

¹⁴ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 5. СПб. 1893. С. 70

¹⁵ Там же.

¹⁶ Материалы для биографии М. Бакунина. – М., Л., 1933. Т. 2. С. 623–624

Залог от новых потрясений и предшествующих шатаний император увидел в укреплении традиции русской государственности. России нужно сильное самодержавие, возрожденное православие и уважение к законам существующего права.

Проекту локальных реформ 1830 года не суждено было осуществиться, но ходу постепенных преобразований «без крупных перемен и сильных переворотов» Николай I не препятствовал. С существенной оговоркой, не допуская вмешательства общественных инициатив и публичных обсуждений без приглашения. В речи к петербургскому дворянству в 1848 году, признаваемый самым реакционным, император замечал: «Часто... в беседах вы рассуждаете о делах политиче-

Приход к Зимнему дворцу
батальона лейб-гвардии
Преображенского полка
14 декабря 1825 года
А.И. Ладюрнер
1852
ГИМ
Кат. 20

ских, правительственных и других... разговоры эти, невинные между людьми образованными, часто вселяют людям простым по необразованности своей и глупости такие мысли, о которых без того они не имели бы и понятия». Справедливыми, но идеалистическими выглядят его требования к дворянству и чиновничеству бороться со злоупотреблениями силой закона, сословной и служебной ответственностью, а не журнальными публикациями, возбуждающими, возможно, законное, но излишнее и искаженное пустословие или даже протестные незаконные меры¹⁷.

.....

¹⁷ Речь императора Николай I к депутатам Санкт-Петербургского дворянства, 21 марта 1848 г. //Николай I и его время. – Т. 1. М., 2000. С. 122-124

Император Николай I
Г. Робинсон
1826
ГИМ
Кат. 160

Печальные последствия эпохи вольномыслия, открытого мятежа и европейской смуты стали объектами навязчивой борьбы для Николая I, как «ветряные мельницы для Дон Кихота». Долгие годы августейший самодержец в своей закрытости и величии виделся миру в образе вневременного рыцаря-воина, как мечтал для себя его отец и он сам. Но, как мы помним, Павла современники наградили неоднозначными донкихотскими чертами. Николая также сравнивали с «рыцарем печального образа», но в определенном «коронованном» контексте.

Само того не ведая, «донкихотство» сопровождало жизнь рационально настроенного и практического

монарха. Можно допустить, что сравнение с Доном не доставило бы самому Николаю большого удовольствия, хотя роман ему нравился и он с удовольствием для домашнего спектакля облачался в образ курьезного идадьго¹⁸. Книга была в чести, была она и в императорской библиотеке.

Сходные ценности и заблуждения литературного героя и реального императора тогда были видны многим. Как и Дон Кихот, Николай формировался на окружающих его ратных подвигах и книжных идеалах и держался кодекса верности своим принципам, считая,

.....
¹⁸ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М., 2013. С. 448, 479

что целью человеческой жизни должно быть бескорыстное служение общему благу. Не признавал закона личного произвола, корысти и безделья. Как он, будучи апологетом военной доблести, считал, что высшая цель военного искусства – это мир. Как он, веря в действенность традиций «золотых времен» прошлого, не принимал многих «тлетворных» идей своего века и боролся, но пришел в конце пути к сходному разочарованию в возможности что-то удержать или изменить усилиями одного человека.

Гуманистический традиционализм «самодержавного донкихотства» не выдержал самого серьезного излома того времени – Крымской войны, и многие просвещенные подданные сразу после кончины Николая поспешили зло посмеяться над его убеждениями. Пинать поверженного льва, точнее медведя, как оказалось, – не только любимая европейская, но и русская забава. «Глубоко искренний в своих убеждениях, часто героический и великий в своей преданности делу, в котором он видел свою миссию, возложенную на него проведением, можно сказать, что Николай I был Дон Кихотом самодержавия. Дон Кихотом странным и зловредным, потому что обладал всемогуществом, позволявшим ему подчинять все своей фантастической и устарелой теории и попирая ногами самые законные стремления и права своего века»¹⁹, – писала в конце правления Александра II фрейлина двора Николая А.Ф. Тютчева, дочь известного поэта и политического деятеля Ф.И. Тютчева.

В образе «Дон Кихота самодержавия» отразилась не только неоднозначность правления Николая, но и разнообразие историографических подходов к царствованию императора, чем когда-то отличалось и восприятие романа М. Сервантеса. В разное время в «Дон Кихоте» видели то подражание рыцарским романам, то примитивную карикатуру, едкую пародию на устаревшие феодальные порядки, то манифест гуманистических идей, то злостную хулу наступающим

.....
¹⁹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора. М., 1990. С. 35.

Император Николай I
А. Швабе. 1843
ГИМ
Кат. 13

Северный колосс
Карикатура на российского императора
А. Зорана
Июль 1854
ГИМ
Кат. 98

временам. Векторы мнений и восприятия менялись. Лишь спустя столетия роман был понят в своей полноте и многогранности.

С подачи западной прессы еще при жизни императора стал кристаллизироваться устрашающий образ «жандарма Европы». Как писал один из зарубежных агентов III отделения С.Е.И.В. канцелярии Я. Толстой: до победы над турками в 1829 году и польского возмущения дурных толков о России не было, они возникли позже из опасенья перед ее могуществом²⁰.

В 1850-е годы антирусская истерия в западной прессе перешла к созданию уже зримых карикатурных образов, изображая то ли Россию, то ли императора «Северным колоссом», смешным уродцем, долговязым, престарелым воином-правителем, вокруг которого копошатся еще не побежденные народы. Аналогия с самодержавным «рыцарем печального образа» напрашивалась сама собой. Рисунок публиковался во многих западных изданиях после начала Крымской войны. Имел он хождение и в России после кончины императора.

Непредубежденный анализ воспоминаний той поры представляет многомерную фигуру политика и человека со своими достоинствами и недостатками, но, главное, с самоотверженным отношением в своем служении отечеству²¹. «... Лишь самовластный преувеличенно рыцарственный самодержец был способен так действовать. По природе он был идеалистом, хотя изолированность русского самодержавия и придавала ему черствость, и надо лишь удивляться, как при всех испытаниях, начиная с декабристов, он сумел проне-

²⁰ Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение // Русская культура и Франция. Литературное наследство. Т. 32. М., 1937. С. 568-577

²¹ Выскочков Л.В. Император Николай глазами современников.// Дом Романовых в истории России. – СПб., 1995

Шинель офицера лейб-гвардии Кавалергардского полка. Принадлежала императору Николаю I
Россия. 1829
ГИМ
Кат. 244

сти через всю жизнь свойственный ему идеалистический порыв», – писал «железный» канцлер и политический провидец Отто фон Бисмарк²².

«Мне хотелось, приняв на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе...»²³, – писал перед кончиной отец сыну, передавая тоже непростое наследство, правда, подготовив его к царствованию. Ценою жертвенной жизни Александр II вывел страну на медленный, но прогрессивный путь развития самодержавной России.

Петровская спираль сделала новый виток, но более «коронованными Дон Кихотами» никого не называли.

²² Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. М., 1940. С. 158-159.

²³ Последние часы жизни императора Николая Первого. СПб., 1855. С. 36-37.

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I И ЕГО ПРЕКРАСНЫЕ ДАМЫ

Е.Я. Кальницкая, генеральный директор ГМЗ «Петергоф»

В разных аспектах жизни императора Павла I – государственном, гражданском, военном, семейном, любовном – вопросы чести и рыцарского достоинства обретали особую значимость. Многие его дела и поступки, смесь благородства и странностей, странствующие рыцари и Прекрасная Дама удивили Европу и позволили Наполеону без тени иронии окрестить Павла «русским

Дон Кихотом». Следование принципам «донкихотства» сделало задуманные Павлом реформы идеалистическими, а его деяния стоили ему жизни.

Немаловажной частью рыцарского кодекса чести, рыцарских устоев и самой жизни рыцаря неизменно считалось поклонение Прекрасной Даме, даже при условии, что благородные порывы, высокие чувства и «донкихотство» по отношению к женщине основывалось не на истинном, а на воображаемом совершенстве предмета обожания.

Попытаемся разобраться в том, сколь прекрасны были «прекрасные» дамы великого князя Павла Петровича, а затем императора Павла I, и в какой мере они повлияли на его рыцарскую судьбу.

Дама первая

*«Скорби моей не было предела,
но это не разрушило хранимую
мною верность даме моего сердца».*

Мигель де Сервантес. «Дон Кихот»

Великий князь Павел Петрович производил на современников впечатление крепкого и сильного человека. Он постоянно занимался верховой ездой, лично обходил гвардейские полки на парадах, был умерен в еде и употреблении спиртных напитков. С юных лет в нем развилась чувственность, чему способствовала атмосфера двора Екатерины II и ее бурные увлечения. По воспоминаниям воспитателя Н.А. Саблукова,

Император Павел I
(тип. Ж.-Л. Вуаля)
Россия, кон. 1780 – сер. 1790-х
ГМЗ «Царицыно»

**Великая княгиня
Наталья Алексеевна**
*Неизвестный художник,
копия с картины Ж.-Л. Вуаля
Россия. После 1775
ГМЗ «Петергоф»
Кат. 5*

«весной и летом в Павловске устраивались сельские праздники, поединки, спектакли, импровизации, балы и концерты. Сам Павел предавался им с увлечением, и его поклонение женской красоте зачастую заставляло его указать на какую-нибудь Дульцинею, что его услужливый Фигаро или Санчо Панса Кутайсов немедленно принимал к сведению, стараясь исполнить желания своего хозяина»¹.

Когда Г.Г. Орлов предложил полуюноше-полуробенку нанести визит фрейлинам императрицы, мать охотно допустила эту вольность. Опыт удался, и Павел «вошел в нежные мысли», искал во французском энциклопедическом словаре слово «любовь», а вскоре поделился с воспитателем своими чувствами к «любезной», которая «час от часу более его пленяет»². Говорил он и о своих намерениях со временем вступить в брак: «Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется. Да то беда, что я очень резв, намердни слышал я, что таких рог не видит и не чувствует тот, кто их носит...»³. Неосознанное предчувствие оказалось пророческим...

20 сентября 1772 года юноша отметил свое совершеннолетие и как законный наследник ждал, что Екатерина привлечет его к управлению государством. Однако императрица-мать даже не помышляла о том, чтобы поделиться с сыном безграничной властью. Вместо этого, желая отвлечь его от сумасбродных идей, решила женить юношу. Выбор пал на принцессу Вильгельмину, дочь ландграфини Гессен-Дармштадской, и великий князь Павел Петрович стал готовиться к переменам в своей жизни. Период юношеских мечтаний закончился. В 1773 году Павел вступал в брак с принявшей православие великой княгиней Натальей

¹ См.: Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. М., 1991. С. 11

² Там же. С. 13

³ Там же.

Алексеевной, был влюблен и мечтал о счастье. В это же время его юная жена желала играть свою политическую роль, мечтая обеспечить супругу первенство в управлении государством. Сумев быстро привязать Павла к себе, Наталья Алексеевна, по словам очевидца, «едва позволяла ему развивать умственные способности, вследствие чего нрав его из живого быстро сделался тяжелым, грустным и апатичным»⁴.

Довольно скоро великая княгиня начала открыто демонстрировать пренебрежение устоями русской жизни, не желала учить русский язык, чем вызывала глухое раздражение свекрови. Она не обрела никакой поддержки в обществе, а спустя полтора года после ее приезда в Россию императрица жаловалась своему постоянному корреспонденту Ф.М. Гримму: «Великая княгиня постоянно больна, но как же ей и не быть больной? Все у этой дамы доведено до крайности...»⁵.

Ситуация довольно быстро получила трагическую развязку: Екатерина отчаялась в столь неудачном, с ее точки зрения, браке сына, а Наталья Алексеевна сблизилась с графом А.К. Разумовским, которого Павел причислял к числу своих близких друзей. В 1776 году великая княгиня в муках умерла от родов, вместе с ней погиб и ребенок.

Великий князь тяжело переживал потерю супруги, но императрица-мать быстро нашла своеобразный способ отвлечь его от грустных дум: Екатерина жаждала наследников и готовила для сына новый брак. Она предъявила Павлу компрометировавшую Наталью Алексеевну любовную переписку с графом Разумовским. Юношеское предчувствие, что «рог не видит и не чувствует тот, кто их носит», оправдались. Романтизма в душе поубавилось, а жизнь продолжалась...

⁴ Цит. по: Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. М., 2001. С. 282

⁵ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Павел I: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 93

**Мундир штаб-офицера
лейб-гвардии Преображенского
полка.
Принадлежал императору
Павлу I**
*Россия. 1800–1801
ГИМ
Кат. 246*

Сила материнского убеждения и особенности возраста переломили ситуацию: душевные раны вдовца рубцевались быстро, а начало следующей супружеской

Дама главная

«Я не выдумывал мою госпожу и не создавал ее в своем воображении, однако все же представляю ее себе такою, какой подобает быть сеньоре обладающей всеми качествами, которые способны удостоить ее всеобщего преклонения...»

Мигель де Сервантес. «Дон Кихот»

жизни казалось всем вполне удачным. Устои «донкихотства» оказались выше трезвого анализа. «Я нашел свою невесту такову, какову только желать мысленно себе мог», – признавался Павел Петрович матери⁶. Ему казалось, что она «весьма проста в обращении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкой, жадничает учиться по-русски, зная, сколь сие нужно, и помня пример предместницы ее»⁷.

Молодая жена – немецкая принцесса София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская, в православии – великая княгиня Мария Федоровна, считала Павла Петровича, дарованного ей судьбой и условиями династического брака, «прекраснейшим из мужей» и откровенно признавалась своей подруге, баронессе Оберкирх: «Я даже довольна, что вы его совсем не знаете, потому что иначе вы не могли бы не влюбиться в него и его не обожать, а я бы испытывала ревность. Мой милый муж настоящий ангел»⁸.

Очевидная всем миловидность новой спутницы жизни, ее доброжелательность и желание угождать мужу и свекрови быстро сделали свое дело: наследник перестал страдать и выглядел счастливым. Обширные «Наставления» будущей жене, которые регламентировали ее поведение в России, оказались не востребованными.

.....

⁶ Сборник РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 98

⁷ Чулков Г.И. Указ. соч. С. 23

⁸ Цит. по: Носик Б.М. Русские тайны Парижа. СПб., 2002. С. 19

Поначалу Екатерина не могла нарадоваться на юную пару, ее отношения с сыном улучшились. Однако скоро восторги невесткой – «стройность нимфы, цвет лилии, румянец розы» – остыли, и императрица поняла, что вторая жена, подобно первой, стремится ослабить ее влияние на сына. Окружив мужа ореолом мученичества, Мария Федоровна также желала полностью подчинить его своей воле. Ни Павел, ни многоопытная и искушенная в знании людей Екатерина не разглядели одну из самых важных черт Марии Федоровны – пустое тщеславие.

С первых лет Мария Федоровна жаждала власти и шла к поставленной цели, не замечая, что ее немецкие добродетели довольно скоро стали вызывать при дворе глухое раздражение. Многим стало заметно, что великая княгиня совершенно не подходит для своей высокой миссии. «Ее ум и характер не соответствуют ее сану», – свидетельствовал французский посланник Корберон⁹.

Мария Федоровна к радости императрицы неустанно увеличивала численность династии. В ее большом потомстве был заложен особый генетический код, основанный на несхожих чертах характера каждого из родителей. Мнимая европейская утонченность, поверхностность образования, интерес к светским сплетням и педантичность поведения матери, соединившись с глубокими знаниями в науке и искусстве, склонностью к мистицизму, несдержанностью поведения, но главное – благородством и рыцарскими порывами души отца, переплавились в характерах их детей, оказавших влияние на ход российской истории XIX века.

С годами становилось все заметнее, что супруги отдаляются друг от друга. Любовные откровения Марии Федоровны, разжигавшие на первых порах самолюбие цесаревича, теперь раздражали своей чрезмерностью. Стало очевидно, что не только любви, но и дружбы и доверия тоже не получилось. Павел составил духовное

.....

⁹ Цит. по: Шумигорский Е.С. Императрица Мария Федоровна. СПб., 1892. С. 101-102

Великая княгиня Мария Федоровна
Ж.-Л. Вуаль
Россия. 1789
ГМЗ «Павловск»
Кат. 7

Платье парадное великой княгини Марии Федоровны
Франция (?). 1780-е
ГЭ
Кат. 241

Парадная опочивальня
Гатчинского дворца
Л. Премацци
Россия. 1870-е
ГМЗ «Гатчина»
Кат. 103

завещание, отказав Марии Федоровне в праве на престол, который переходил старшему сыну. Реальность жизни оказалась сильнее донкихотства...

Мелочная домашняя опека Марии Федоровны продолжала усиливаться. «Его (Павла Петровича – Е.К.) супруга, великая княгиня, хотя любила его, но своими стараниями влиять на него только больше раздражала его. Она окружила его интригами, которые льстили его самолюбию, уничтожали доброту его характера», – по-женски тонко отмечала В.Н. Головина¹⁰. В ее поведении постоянно чувствовалась фальшь: 32-летняя Мария Федоровна кокетливо подписывала письма – «великий князь и его старуха-жена»¹¹.

После рождения летом 1796 года великого князя Николая Павловича императрица Екатерина стала целенаправленно делать шаги по отстранению Павла от власти. Составленный акт отречения она передала Марии Федоровне, предложив ей потребовать от цесаревича признания прав на престол старшего сына. Невестка также должна была выразить и свое согласие, скрепив документ подписью.

И тут тщеславие пересилило страх: Мария Федоровна, мечтавшая взойти на русский трон, не испугалась гнева императрицы и не исполнила ее волю, скрыв требование матери от подозрительного Павла: только после смерти Екатерины он обнаружил этот документ в ее бумагах. Нетрудно догадаться, что новое понимание причастности Марии Федоровны к семейной драме еще сильнее разрушило семейный союз и нравственная связь между супругами рухнула окончательно...

Мало что изменила и долгожданная коронация. Семейный климат не улучшился даже после появления на свет малышей, теперь уже всецело принадлежавших родителям. Неизменно играя роль хранительницы домашнего очага, Мария Федоровна дарила детям, родившимся после смерти Екатерины, мало тепла и нежности. Николай Павлович с горечью вспоминал

.....
¹⁰ [Головина В.Н.] Записки графини Варвары Николаевны Головиной. Под редакцией и с примечаниями Е.С. Шумигорского. СПб., 1900. С. 37

¹¹ ГА РФ. Ф.663. Оп. 1. Д.101. С. 36

Великий князь Павел Петрович
и великая княгиня
Мария Федоровна
Л. Берте с медали И. Иегера
Франция, Париж
1782
ГМЗ «Петергоф»
Кат. 28

Дамы второго плана
«Недаром, сожженный как уголь,
В потешном сраженный бою,
Меж марионеток и кукол
Ты выбрал богиню свою».

Павел Антокольский

впоследствии, что мать жила, «не заботясь о том, что делается в наших душах»¹².

К концу царствования Павла отношения еще больше обострились: императрица оказалась в положении отвергнутой жены и опасалась полного разрыва. Очевидцы свидетельствуют о публичных унижениях Марии Федоровны супругом, о его жестоком обращении с ней и даже краткосрочных «арестах».

Для семейного благополучия великой княгини, а затем императрице Марии Федоровне не нужно было располагать ни государственным умом, ни широкими политическими взглядами. Но, судя по всему, она не обладала умом житейским, так необходимым матери большого семейства. В итоге красивая, молодая и достаточно образованная императрица, самостоятельно ведущая свои дела и распоряжавшаяся капиталом, потерпела полный крах семейной жизни. Не этим ли объясняется ее последняя воля уничтожить записки и дневники, которые она вела с 1770-х годов, и захоронить пепел вместе с ней. О ее мыслях и чувствах на протяжении долгой жизни не дано узнать никому...

Трагической ночью 11 марта 1801 года Мария Федоровна продемонстрировала в Михайловском замке возвращенное ею в душе тщеславное желание стать российской императрицей. Со словами «Ich will regieren» («Я хочу править» – нем.) она потребовала присяги себе, а не сыну. А когда обстоятельства оказались сильнее, облачилась в глубокий траур, чтобы до конца дней успешно играть роль безутешной вдовы императора Павла I...

.....
¹² ГА РФ. Ф.728. Оп.1. Д.2271. Л.60

Будучи великим князем, проживая в Павловске и Гатчине, Павел пленился чарами фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой, «маленькой, смуглой брюнетки, вся прелесть которой заключалась в миловидном улыбающемся личике и веселом увлекательном разговоре»¹³.

Чувство «чисто платонического характера он сохранил к ней до самого вступления на престол», – свидетельствует А. Чарторийский¹⁴. Внешне Нелидова была полной противоположностью величественной и манерной Марии Федоровны, которая на первых порах не опасалась соперницы. Но неизменная веселость, легкость характера, а главное, острый ум сделали свое дело: Нелидовой удалось завоевать и на долгие годы сохранить привязанность и дружбу Павла. Она обладала свойством успокаивать приступы его гнева, потакала капризам и являлась постоянным ходатаем за опальных.

В свете считали, что Е.И. Нелидова сыграла основную роль в семейной драме Павла. А.Н. Вельяминов-Зернов, отдавая дань «благородным побуждениям» Павла, свидетельствует: «Павел был чрезмерен во всем – и в гневе и в любви. Влюбясь во фрейлину Нелидову, он предлагал ей умертвить свою жену. Нелидова объявила об этом Марии Федоровне, которая до самой кончины сохранила к ней самую нежную дружбу и благодарность»¹⁵. Умно и тонко построив отношения с Марией Федоровной, Нелидова заключила с ней

¹³ [Чарторыйский А.] Русский двор в конце XVIII – начале XIX столетия: из записок князя А. Чарторыйского. 1795-1805. М., 2007. С.83

¹⁴ Там же

¹⁵ Цит. по: Чиж В.Ф. Указ. соч. С. 226

Вид на Гатчинский дворец с Длинного острова (через Карпин пруд)
Г.С. Сергеев
Россия. 1798
ГМЗ «Гатчина»
Кат. 69

Вид на Гатчинский дворец с Длинного острова (от Тампля)
Г.С. Сергеев
ГМЗ «Гатчина»
Кат. 70

союз, чтобы вместе благотворно влиять на императора, управляя его эмоциями и поведением. Но не отношения с Нелидовой дали повод для расстройств многолетнего брака, хотя, уезжая в 1788 году в поход против шведов, Павел писал Екатерине Ивановне: «Знайте, что умирая, я буду думать о вас...»¹⁶.

В 1798 году враги императрицы (Н.П. Кутайсов, Ф.В. Ростопчин и др.) внушили императору, что его супруга и камер-фрейлина Нелидова открыто царствуют от его

¹⁶ Цит. по: Шумигорский Е.С. Указ. соч. С.59.

имени. Их недоброжелатели постарались, чтобы на придворных балах стала появляться и обращать на себя внимание юная красавица Анна Лопухина, дочь сенатора П.В. Лопухина. Его семья в кратчайшие сроки была перевезена из Москвы на невские берега и обласкана императором: княжеский титул, высокая должность обер-прокурора Сената, роскошный дом. Анна Петровна была буквально осыпана милостями: камер-фрейлина, кавалерственная дама Большого креста ордена Святого Иоанна Иерусалимского, орден Святой Екатерины,

«Дон Кихот принимает крестьянку за Дульсинею»
М. Сервантес «Дон Кихот»
Иллюстрация
к французскому изданию
1724. Том 3, глава 10
Ж.-Б. Озар по оригиналу
Ш.-А. Куапеля
До подписи. Ок. 1724
Государственный
литературный музей
Кат. 132

титул статс-дамы. Государь открыто выказывал «даме сердца» свои чувства, назвал ее именем корабль «Благодать»¹⁷, оно же красовалось на знаменах гвардии. Придворные интриги получили развитие: Мария Федоровна посоветовала Лопухиной остаться в Москве, но потом, чтобы не гневить супруга, вынуждена была смириться и относилась к сопернице уважительно, а дочери императора и вовсе заискивали перед ней. Как только Лопухина появилась в Петербурге, Е.И. Нелидова удалилась в Смольный монастырь. Современники и историки высказывали различные

.....

¹⁷ Имя «Анна» по-еврейски означает «божья милость», по-русски – «благодать».

версии последнего увлечения императора. Придворные интриганы искали новые пути влияния на него, используя Лопухину в качестве орудия в своих руках. «Она, ваше величество из-за вас голову потеряла, – нашептывали Павлу. – Император засмеялся и сказал, что она еще ребенок». Так описывал эти начинающиеся «отношения» современник¹⁸. В сложившейся ситуации Анна Лопухина призналась Павлу, что с детства влюблена в молодого офицера князя Гагарина, служившего в то время в армии Суворова. Из рыцарских побуждений Павел немедлен-

.....

¹⁸ Зубов В.П. Павел I. Перевод с немецкого В.А. Семенова. СПб., 2007. С. 69.

но отказался от любви к девушке, вызвал в столицу Гагарина с сообщением о следующей победе, которую одержит полководец. Новый военный успех не заставил себя ждать, и 8 февраля 1800 года Павел организовал свадьбу Лопухиной с ее избранником, продолжив, подобно Дон Кихоту, высокое служение «прекрасной даме». А, быть может, это было не преклонение, а демонстрация преклонения, которое больше походило на фарс, нежели на любовь... «Дон Кихот безумен. Когда же он сталкивается с реальной жизнью и пытается разобраться в людях, он совершенно не в состоянии отличить добро от зла», – писал классик XX века Уильям Фолкнер. В истории

А.П. Лопухина
Ж.-Л. Вуаль (?)
Франция
Вторая половина 1790-х
ГЭ
Кат. 8

«русского Дон Кихота» эта мысль находит подтверждение. Павел любил четырех женщин, но ни одна из них по разным причинам не стала для «романтического нашего императора» настоящей сердечной привязанностью. Его чувства едва ли можно назвать серьезными; лишь по отношению к Нелидовой они были более глубокими. Он искал и не обрел любви своих «прекрасных дам», стремясь в зрелые годы лишь к пониманию и утешению. Но ни одна из женщин не одарила его теплом и дружбой, которых он заслуживал и в которых нуждался. И, возможно, в этом кроется одна из причин его трагедии...

«ДОН КИХОТ» И «БЕЛАЯ РОЗА»: ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I И ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА

А.Н. Сидорова, главный специалист
Государственного архива Российской Федерации

Доспех максимилиановский
Германия. Нюрнберг
Первая четверть XVI в.
ГЭ
Кат. 306

Рыцарственность императора Николая Павловича обозначилась уже в первые минуты его жизни. Взяв на руки только что появившегося на свет младенца, царственная бабушка с удивлением воскликнула: «В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря!». Крупный, красивый мальчик, кричавший «басом», вскоре вырос в красивого мужчину. Современники восхищались его античным профилем и правильностью

черт лица, безупречной осанкой, военной выправкой и умением держать себя на публике. Его поступки выдавали в нем великодушные и честность, благородство характера и силу духа.

Третий сын императора Павла I, лишь волею судьбы оказавшийся на троне, на самом деле был рожден, чтобы повелевать и царствовать. Он всегда стремился к зачастую неосуществимым идеалам и старался подавать личный пример своим подданным. «Глубоко искренний в своих убеждениях, часто героический и великий в своей преданности тому делу, в котором он видел миссию, возложенную на него провидением, можно сказать, что Николай I был Дон Кихотом самодержавия»¹, – отозвалась о государе фрейлина А.Ф. Тютчева.

Рыцарские качества души Николая Павловича в полной мере раскрылись в его отношениях с нежно любимой супругой, императрицей Александрой Федоровной. С момента их первой встречи в Берлине в 1814 году и до конца жизни супруги сохранили романтическую влюбленность и свежесть чувств друг к другу. Мечтательная и воздушная принцесса Шарлотта, дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, буквально с первого взгляда покорила сердце юного «рыцаря Николая». Воспитанная на поэзии Шиллера, зачитывавшаяся рыцарскими романами и балладами о прекрасных дамах, она получила в семье прозвище «Белая

¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники. М. 2004. С. 45

Роза» в память о героине романа Фридриха де ла Мотт Фуке «Волшебное кольцо». Имя Белой Розы стало неким символом всей дальнейшей жизни императрицы и как нельзя лучше отражало ее романтическую, застенчивую и отчасти не понятую современниками натуру, душу, по выражению поэта В.А. Жуковского «чистую, простую, исполненную глубокого чувства»².

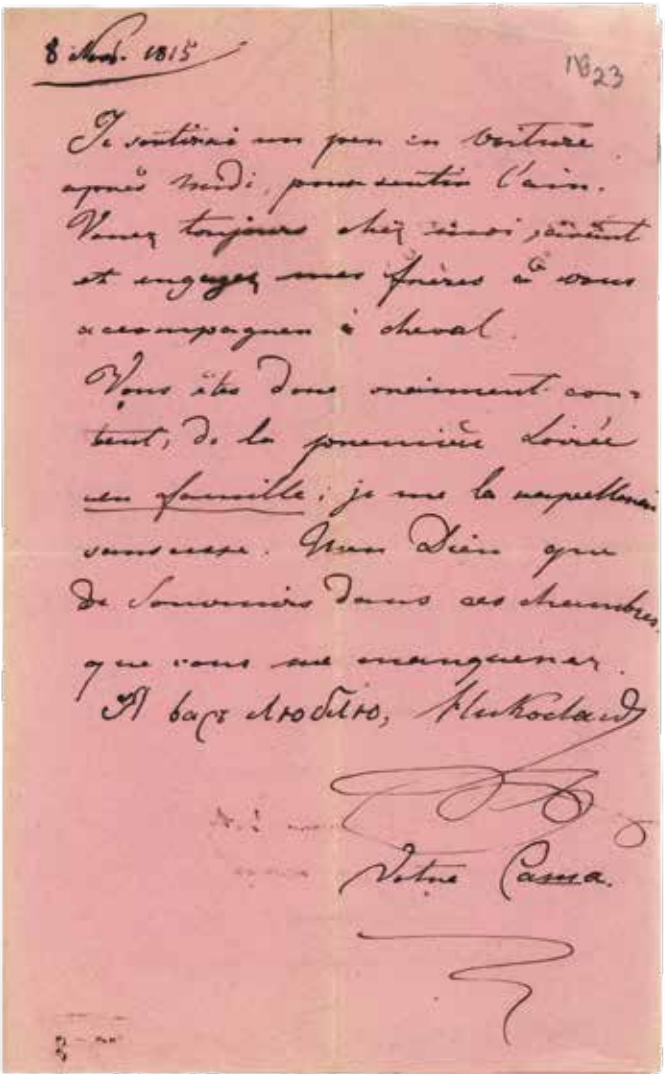
Свадьба Николая и Александры состоялась в день рождения невесты – 1 июля 1817 года. В этот день на девятнадцатилетнюю девушку надели корону и фамильные «романовские» драгоценности, под тяжестью которых она едва дышала. Но для романтической прусской принцессы дороже всех этих бриллиантов была приколотая к поясу белая роза из букета, подаренного утром любимой гувернанткой Маргаритой Вильдермет. «Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши наконец соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды!», – писала впоследствии Александра Федоровна³.

Некоторые современники, не знавшие близко мир императорской семьи, говорили о «деспотическом обожании» Николая I супруги, уверяя, что этой любовью руководило лишь превосходство «сильной натуры к существу слабому». «Для него это была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золоченых решеток своей клетки», – злословили при дворе⁴. Но Александра Федоровна и не хотела вырываться из этой клетки и с благодарностью признавала, что нежность и забота мужа совершенно вознаградили ее за разлуку с родными, оставшимися в Пруссии, и за тяготы, которые она пережила в детстве – раннюю

² Жуковский В.А. Сочинения. СПб., 1878. Т.6. С. 452

³ Из альбомов императрицы Александры Федоровны. Воспоминания 1817-1820 // Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 144

⁴ Тютчева А.Ф. Указ. Соч. С. 51

Письмо принцессы Прусской Шарлотты жениху великому князю Николаю Павловичу после помолвки. 8 ноября 1815.
Автограф
На французском языке
В конце письма приписка по-русски: «Я вас люблю, Николай. Votre Саша»
ГА РФ
Кат. 366

Записка великого князя
Николая Павловича сестре
великой княгине
Екатерине Павловне
о впечатлениях от встречи
со своей невестой принцессой
Прусской Шарлоттой.
24 октября 1815

Автограф
«Был я во второй раз у моей
Сашеньки, и нашел себя так
глупым, что не знал, что делать,
и пишу суший вздор; только одно
чувство во мне есть, желание
искреннее сделать ее счастливой,
в чем Бог мне свидетель. Николай»
ГА РФ
Кат. 365

Предметы
из «Собственного
с девизом» сервиза
императрицы
Александры Федоровны
1827–1829
Императорский
Стекланный завод
Россия, Санкт-Петербург
По проекту И.А. Иванова
ГМЗ «Царицыно»
Кат. 208

смерть горячо любимой матери, королевы Луизы, и годы лишений во время войны. Императрица никогда не стремилась принимать участие в политических делах и главную цель своей жизни видела в том, чтобы сделать счастливыми мужа и детей.

Детей в семье было семеро – четыре сына и три дочери. Внимательные к традициям дома Романовых, родители назвали их так же, как звали детей Павла I. Сыновья получили имена: Александр, Константин, Николай и Михаил, а дочери – Мария, Ольга и Александра. Заботливые родители стремились дать детям лучшее воспитание и образование. «Я хочу воспитать в моем сыне человека, прежде чем сделать из него государя», – говорил о наследнике император Николай I, и это в точности относилось ко всем остальным его детям. На должность главного наставника к детям был приглашен поэт В.А. Жуковский – учитель русского языка самой Александры Федоровны и друг императорской семьи. Совместно с родителями разработали особую

систему воспитания, которая сочетала в себе нравственное, религиозное, творческое и физическое развитие. Николай и Александра старались не привносить этикет и условности в свою частную жизнь и воспитывали детей в естественности и свободе, считая, что дети имеют право на детство, независимо от их происхождения и общественного статуса. Дети обожали и боготворили отца, нежно и горячо любили мать. «Мне очень трудно передать, что дала Мама моему детскому сердцу, – писала великая княжна Ольга Николаевна. – Она была именно Матерью, и описать это невозможно. С ней мы чувствовали себя дома, как в раю. Каждую свободную минутку я бежала к ней, зная, что никогда не помешаю... Я не помню ее иначе как веселой, доброй и всегда в одинаковом настроении. Ей не надо было ни под кого подлаживаться, ничего прятать. В прелести и простоте своего существа она была недоступна ничему злему»⁵.

⁵ ГА РФ, Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1113. Л. 90-91

Все свободное время семья старалась проводить вместе. По вечерам собирались на половине императрицы. Здесь вместе пили чай, музицировали, общались, читали вслух. Александра Федоровна любила поэзию Шиллера и Гете, следила за творчеством В.А. Жуковского. Супруги увлекались книгами Вальтера Скотта и рыцарскими романами. Впечатления от английской и немецкой романтической литературы, увлечение Александры Федоровны средневековыми сюжетами отразились в художественном оформлении окружавших ее вещей и стилистическом убранстве жилых комнат. Наиболее характерным выражением ее стиля жизни стала собственная дача императрицы в Петергофе, названная в ее честь Александрией. Сельский домик Коттедж был спроектирован в английском стиле с готическими сводами, резной готической мебелью и множеством ажурных решеток, увитых плющом. На гербе Александрии изображен венок из белых роз – символ царственной хозяйки. Этот дом был наполнен

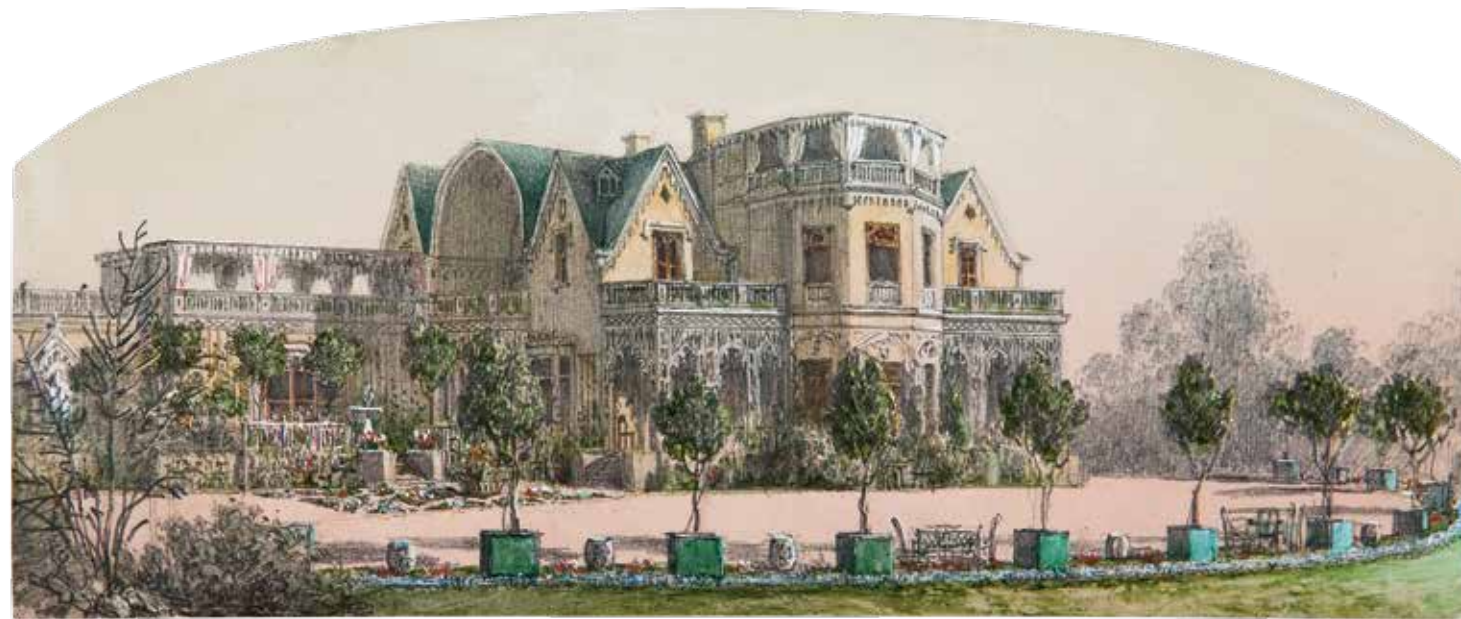

**Императрица
Александра Федоровна**
А.П. Брюллов
Россия, Санкт-Петербург, 1830
ГМЗ «Петергоф»
Кат. 10

дорогими для императрицы вещами, привезенными из Пруссии или подаренными родственниками, картинами со средневековыми сюжетами и атрибутами «рыцарства». Но самое главное, за что вся семья любила Коттедж, это маленькие помещения, рассчитанные на пребывание в них только близких членов семьи. В тесноте Коттеджа была особая прелесть, поскольку находиться рядом друг с другом составляло для этой семьи истинное счастье. Во время летнего пребывания в Петергофе император любил удивлять жену приятными и неожиданными подарками и сюрпризами: новым павильоном в парке, вдруг неизвестно откуда взявшимся мостиком, ажурной беседкой, в которой в очередной день рождения Александра Федоровна случайно обнаружила свой портрет-бюст с удивительно трогательной надписью «Счастью моей жизни».

Император не жалел средств на модные наряды для жены, на украшение ее комнат, на ежедневные безделицы, щедро одаривал жену драгоценностями и украшениями. И если дочерей он держал в строгости, не позволяя без повода пышно наряжаться, то государыню баловал, и это доставляло ему истинное удовольствие. Браслеты, фермуары из драгоценных камней, жемчуг, кружева и атлас на платья жены – постоянные статьи расходов из его личных денег. Подарки зачастую были дорогими не столько по стоимости, сколько по сакральному смыслу, который в них вкладывался. Так, например, в день серебряной свадьбы он подарил жене и дочерям по браслету из синей эмали, в котором цветные камни чередовались с жемчужинами. «Такова жизнь, – сказал он, – радость вперемешку со слезами. Эти браслеты вы должны носить на семейных торжествах».

Определенную роль в особом «ритуале» поклонения императора перед императрицей играло проявление публичного почитания ее персоны. Так, очевидцы, присутствовавшие на праздниках в Петергофе в честь дня рождения Александры Федоровны, отмечали, что государь вместе со старшим сыном, наследником престола, одевшись в кавалергардские мундиры и став

**Дворец Коттедж.
Парк Александрия.
Петергоф**
И.И. Шарлемань
Россия, СПб
1854
ГМЗ «Петергоф»
Кат. 22

в строй подшефного императрице полка, проходили церемониальным маршем перед нею. Эта демонстрация уважения и служения императора императрице представилась иноземным гостям неким «рыцарским зрелищем».

Подобную роль выполняли и некоторые театрализованные праздники, маскарады, костюмированные представления. Грандиозные костюмированные праздники организовывались в честь Александры Федоровны в Пруссии. Первый такой праздник был устроен в Берлине в 1821 году. В основе действия лежала поэма Томаса Мура «Лалла Рук». Главную роль прекрасной индийской принцессы Лаллы Рук, совершившей

путешествие в Кашмир для встречи с женихом, исполняла Александра Федоровна. Великому князю Николаю Павловичу, как и подобает, досталась роль жениха, поэта принца Амириса. Постановка должна была напомнить Александре Федоровне ее свадебное путешествие из Пруссии в Россию. Еще более романтическое представление было устроено летом 1829 года и получило название «Волшебство Белой Розы». Театрализованный праздник был устроен по мотивам любимого произведения Александры Федоровны – романа «Волшебное кольцо» Фридриха де ла Мотт Фуке. Красочное действие развернулось в Потсдаме в парке Сан-Сусси и представляло собой череду рыцарских турниров.

Глава XXII о том, как Дон Кихот освободил много несчастных, которых насильно вели туда, куда они не имели ни малейшего желания идти: Книга первая хитроумного кабальеро Дон Кихота

Гравюра Э.-Ж. Писана по оригиналу Г. Доре
Берлин–Нью-Йорк, 1868–1869
РГБ
Кат. 176

Возглавляла шествие императорская семья, кавалькада рыцарей двигалась по аллеям Царскосельского парка – через Арсенал, Белую Башню, Готические ворота к Александровскому дворцу. Здесь состоялся турнир с конными упражнениями, метанием копья, ловлей мячей в кольцо. Карусель нашла отражение в грандиозном полотне художника Ораса Верне.

Интересные сведения и курьезные подробности о карусели оставили в своих дневниках члены семьи Николая I и близкие к ней лица. Репетиции карусели начались в Петербурге в начале апреля и затем проводились регулярно, участники учились выполнять необходимые конные упражнения и при этом правильно держаться в седле. Все это стоило немалых усилий, особенно участникам в возрасте. Даже государь, славившийся своей выносливостью на парадах, после одной из репетиций сказал: «Нет, такие проделки нашим старым костям не под силу; десять часов на маневрах меньше меня утомляют». Трудность усугублялась тем, что мужчины должны были надеть для участия в процессии настоящие средневековые латы, взятые из Царскосельского арсенала. 23 мая 1842 года, в день карусели, воспитатель великого князя Константина Николаевича Ф.П. Литке записал в дневнике: «Кавалерам латы даны были из арсенала. Все это прибрать и пригнать в неделю, дамам сшить себе костюмы.

Облаченные в средневековые костюмы рыцари чинно выступали верхом на лошадях перед хозяйкой праздника – прекрасной Александрой Федоровной. В белоснежном платье с венком из белых роз на голове она с поистине королевским достоинством награждала победителей турнира.

Отголоском этих прусских «средневековых» праздников стали торжества по случаю серебряной свадьбы императорской четы, организованные летом 1842 года в Царском Селе и получившие название «Царскосельская карусель». Участники этого грандиозного костюмированного действия были облачены в настоящие рыцарские доспехи, взятые из дворцового арсенала.

Царскосельская карусель
О. Верне
1843
ГМЗ «Царское Село»
Кат. 18

**Принц Вильгельм I Прусский
в турнирном костюме**
Ф. Крюгер
Германия. 1829
ГМЗ «Петергоф»
Кат. 86

С ног все сбились. Но это еще не главное: надо было видеть этих несчастных, когда они влезли в железные футляры, не на них сшитые, – совершенные мученики, и в этом состоянии управлять лошадью. Кавалеристы записные признавались, что они совсем не покойны, тем более, что и лошади не привыкли к таким фигурам. Государь, примеряя шлем свой, чуть не задохся. С его расположением к притечению крови к голове... Между тем все-таки факт любопытный и стоит сохранить его в памяти. Было 16 пар... Все это собралось в Арсенале, где кавалеры и одевались. Дамы одели своих кавалеров шарфами, все сели на коней, и поезд

двинулся. Впереди С.А. Юрьевич в костюме герольда, с булавой в деснице – совершеннейшее когда-либо виданное олицетворение Санчо Пансы; за ним хор трубачей, в латах и шлемах, потом взвод черкес в полном орнате и кольчугах... Поезд шел от Арсенала, мимо башни к Александровскому дворцу, перед которым на площади достаточное пространство устроено было глубоко песком. Тут объехав раза два кругом, императрица остановилась перед крыльцом с своим рыцарем, пажи по сторонам, а кортеж... начал делать фигуры... Художники постараются сохранить напоминание – Зауервейд уже пишет, Орас Верне, только что прие-

**Средневековая крепость
с собором**
Император Николай I
Рисунок в альбоме
императрицы
Александры Федоровны
ГА РФ
Кат. 105

хавший, смотрел из окна государственного кабинета»⁶. Хотя Ф.П. Литке был склонен драматизировать, карусель, видимо, на самом деле была нелегким испытанием физических сил всех участников. Даже великий князь Константин Николаевич, обычно такой впечатлительный, в тот день сделал в своем дневнике лишь одну немногословную запись: «Был карусель, мужчины в латах, дамы в костюмах. Мы пажами. Все в восхищении». И лишь самый младший член процессии, 9-летний великий князь Михаил Николаевич сохранил энергию к концу этого дня: «Когда кончился карусель, то поехали

⁶ ГА РФ, ф. 1463. Оп. 1. Д. 1113. Л. 90-91

к Арсеналу и мне было ужасно весело».

Этот красочный праздник в честь юбилейной даты совместной жизни Николая Павловича и Александры Федоровны как нельзя лучше продемонстрировал «рыцарское» почитание императором дамы его сердца и отразил их чувства и отношение друг другу, которые они пронесли нетронутыми через годы.

В своем предсмертном завещании императрица назвала себя счастливейшей супругой и матерью и искренне желала, чтобы таким же счастьем наслаждались ее дети и внуки.